

Таким образом, следует признать, что иностранные послы получили грамоту на право проезда по внутриновгородской территории именно в 1300 г. (или в самом начале 1301 г.). Под этой датой летописи особо оговорено отсутствие великого князя в Новгороде: «Князю великому Андрею не бывшу тогда в Новеграде».²³ Андрей Александрович пришел в Новгород только в мае 1301 г. с низовскими полками, он не мог самолично скрепить печатью грамоту для иностранных купцов. Сделать это мог его наместник Борис. Его буллу с изображением сокольника и Вседержителя мы отмечаем при договоре 1300 г.²⁴

Таким образом, в конце XIII—начале XIV в. наместник великого князя Андрей Александрович (в этой роли выступал его сын Борис) пользовался своей печатью, которая по манере оформления отличалась от личной великокняжеской буллы его отца.

Видимо, это было исключением из общего правила: В. Л. Янин предполагает, что княжеские наместники XIII—начала XIV в. не имели своей личной буллы, а прикладывали печати от имени официального новгородского князя.²⁵

Надеемся, что новые материалы сфрагистики дадут объяснение данному противоречию.

И. Э. КЛЕЙМЕНБЕРГ

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ВЫБОРА НОВЫХ ЛИЧНЫХ ИМЕН

И АДАПТАЦИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ В РОССИИ X—XIX вв.

Имя человека, получаемое при рождении, всегда считалось и считается еще сегодня неотделимым от личности его носителя. Эту мысль образно выразил Гёте. В вольной передаче она гласит так: имя — это не часть одежды, которую можно легко сменить, оно скорее подобно коже человека, рана которую, наносит травму и ему самому.¹ Поэтому смена имени бывает всегда об-

²³ ИПЛ, с. 330—331.

²⁴ Весьма интересно указание первого надателя этой грамоты Х. А. Шлецера на якобы существовавшую копию документа в архиве г. Любека, которая написана по-латыни и не скреплена печатьми. В этом документе упомянут русский князь Борхрам, которого Х. А. Шлецер, ссылаясь на то, что иностранцы часто искажают русские имена, отождествляет с Борисом Андреевичем — наместником великого князя. См.: Шлецер Х. А. Назначение двух совсем еще неизвестных и весьма достопамятных подлинников, на славянском языке писанных и относящихся до связи между Новгородскою республикою и Ганзою. — Вестник Европы, 1811, № 23—24, с. 205—206.

²⁵ Янин В. Л. 1) Актовые печати. . . т. 2; 2) К вопросу о структуре княжеского аппарата в Новгороде на рубеже XIII—XIV вв. — Вспомогат. истор. дисципл. В. Л., 1973.

¹ Гёте И.-В. Из моей жизни. Поэзия и проза. М., 1969, с. 302—303.

условлена лишь очень серьезными причинами. Наиболее распространенной из таких причин является переход носителя имени из одной общины людей в какую-нибудь другую: религиозную, национальную, языковую, сословную, организационную, возрастную и т. п.

Вместе с полной сменой имени в прямом смысле, например при переходе из одного вероисповедания в другое, следует рассматривать и адаптацию иноязычного имени при включении его носителя в иную языковую и национальную среду. И то и другое имело место на всем протяжении истории русского народа.

С необходимостью адаптации иноязычных имен как на письме, так и в устной речи столкнулись учреждения и население Русского централизованного государства очень рано. С каждым десятилетием возрастало число иностранцев западноевропейского происхождения, принимаемых на службу, а кроме того, в состав государства включались территории с неправославным населением, у которого именник и алфавит были другие. Поэтому к концу XVI в. в приказах выработалась своеобразная официальная система адаптации западноевропейских имен, которая традиционно просуществовала на практике вплоть до конца XIX в. и реликты которой наблюдались еще в первой половине XX в. В силу этого она и оказалась наиболее изученной.

В 1953 г. Э. Амбургер опубликовал работу об адаптации западных личных имен в России XVII—XIX вв.³ Этот труд имел целью помочь исследователям правильно идентифицировать упоминаемых в русских архивных документах помещцев и лиц западных вероисповеданий. Автор проанализировал 450 личных имен и попутно попытался наметить некоторые принципы, применявшиеся должностными лицами приказов и других учреждений при русифицированной записи иноязычных имен.

Эту богатую коллекцию имен обработал с филологической точки зрения Д. Герхардт.⁴ Анализируя технику процесса приспособления имен к условиям русскоязычной среды и кириллицы, он выявил четыре основных способа их адаптации, применявшихся в России XVII—XIX вв.: 1) простая транскрипция (Richard — Ричард), 2) идентификация национальных вариантов одного и того же каполического имени (Jean, John,

---

³ В западноевропейских государствах проблема адаптации имен по имени такой сложности, так как именник был там в течение средних веков в значительной степени унифицирован католической церковью, латинским языком управления и шрифтом. Латинизированное написание имен было общим, различалось лишь фонетическое оформление в устной речи.

⁴ Am burger E. Die Behandlung ausländischer Vornamen im Russischen in neuerer Zeit.— Abhandlungen der Geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse der Mainzer Akademie der Wissenschaften und Literatur (Wiesbaden), 1953, № 7, S. 301—354.

⁵ Gerhardt D. Zur Technik des neuzeitlichen Namensauswechslens am Beispiel des Russischen.— Beiträge zur Namenforschung (Heidelberg), 1956, Bd. 7, S. 123—146.

Jan, Johann — Иван), 3) и о р е в о д, если имя или часть его имело прозрачную семантику (Gottlieb — Богдан; Amandus, Aimé — Любим), 4) ф о н е т и ч е с к а я адаптация, т. е. замена иноязычного имени на более или менее созвучное русское (Bernhard, Burghard — Борис; Hendrik, Heinrich — Андрей и т. п.); последний, наиболее распространенный способ, являющийся уже заменой имени, а не адаптацией, этим автором подразделен еще на пять вариантов.

М. Вольпер сделала попытку объяснить появление такой своеобразной антропонимической системы.⁵ Она считает, что главной причиной являлась необходимость при челобитных иностранцев на имя царя, которые были частыми, употреблять свои имена в уничижительной форме и с такими же суффиксами, а дьяки должны были из этих форм быстро восстанавливать первоначальное имя, что можно было легко сделать только с русифицированными именами. Это объяснение, выведенное М. Вольпер не только на примеров, собранных Э. Амбургером, но и на основе самостоятельных изысканий в русских источниках за 1613—1649 гг., не доказано ею достаточно убедительно.

Настоящее исследование посвящено принципам выбора нового имени в Киевской Руси в связи с распространением христианства в X в. и дальнейшему их применению в последующие века. Крещение по обряду православной византийской церкви было связано с обязательным принятием нового имени из числа имен святых, канонизированных церковью. Здесь следует отметить, что римско-католическая церковь при крещении народов Западной Европы не придерживалась так строго этого правила, и усиленное распространение канонических имен началось там лишь в XII в. в связи с бурным развитием культа святых.⁶

Если даже в наш рационалистический век человек нелегко идет на смену имени, то тем более трудным было для него такое решение тысячу лет назад во времена донаучного мировоззрения, когда с именем были связаны различные религиозные представления, бытовые суеверия и родовые традиции, когда имена собственные как слова не потеряли еще своего этимологического значения, а содержали часто в себе магические пожелания блага нарекаемому в его предстоящей жизни.⁷ Кроме того, имя часто было тогда п социальным признаком: например двусоставные, так называемые «княжьи имена» русского средневековья (Владимир, Ярослав, Всеволод и др.) были в употреблении лишь в среде князей и знатнейших бояр.⁸ Поэтому выбор христианского имени был пробле-

⁵ W o l l n e r M. Zur Frage der Behandlung westeuropäischer Personennamen in Rußland.— Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag. Wiesbaden, 1956, S. 570—576.

⁶ B l a s h A. Deutsche Namenkunde, Bd I, 2. Teil. Die deutschen Personennamen, 2. Heidelberg, 1953, S. 16.

⁷ И н к о в о в В. А. Имя и общество. М., 1974, с. 28—31.

⁸ Там же, с. 18—21.

мой первостепенной важности для первых крестившихся представителей правящей династии Киевской Руси. Все говорит о том, что каноническое имя они выбирали сами и не допускали навязывания себе имени принимающей их в свое лоно церкви. Анализ полученных ими при крещении имен позволяет выявить ряд принципов, на основании которых осуществлялся их выбор, и проливает свет на психологию и воззрения социальных верхов Руси X и XI вв. О наречении христианскими именами простых людей при массовых крещениях источники молчат.⁹

Первой из киевского княжеского рода крестилась Ольга. Это событие относится исследователями к 954—957 гг. Она приняла христианское имя Елена. Считают, что она выбрала имя в честь супруги правившего тогда византийского императора.¹⁰ Кроме того, Еленой являлась мать Константина Великого, одного из первых правителей Римской империи, уравнившего христианскую церковь в правах с языческими культами. Из всего этого вырисовывается первый принцип выбора имени: оно должно было быть **с о ц и а л ь н о з н а ч и м ы м**.

Сопоставление имен 'Ευα и 'Ελενα, как они писались и произносились тогда по-гречески, позволяет нам выявить второй принцип: новое имя должно было быть **с о з в у ч н ы м** старому хотя бы первым слогом или опорными согласными. Это принцип аллитерации, прослеживаемый в раннем средневековье на династических именах некоторых народов Западной Европы.¹¹ Но Ольга, будучи двуязычной, позаботилась при выборе имени и о том, чтобы аллитерация сохранилась и при переводе ее имен на древнерусский язык. Ведь Елена по-гречески обозначает «светлая», а древнескандинавская основа ставших русскими имен Олег и Ольга — helg — имела значение «посвященный» или «святой» в христианском понимании.¹² Так сохранялось созвучие в рамках каждого из двух языков.

Можно говорить и о третьем принципе, правда, не всегда легко осуществимом, требующем, чтобы **с е м а н т и к а** нового имени как можно больше сближалась со значением старого. Идеальным для осуществления этого принципа является тот случай, когда новое имя является переводом (калькой) старого.

Классическую кальку мы видим в эпитете князя Олега «сведний». Правда, двести лет спустя составитель «Полести временных лет»,

⁹ Если судить по практике крещения папоздальных меньшинств и царской России, то для ускорения и упрощения этого акта всем мужчинам одного селения давали одно и то же христианское имя, также и женщинам (И в к о в о в В. А. Имя и общество, с. 142).

¹⁰ П л а т о н о в С. Ф. Летописный рассказ о крещении княгини Ольги в Царьграде.— Истор. архив, 1919, кн. 1, с. 283—288.

¹¹ Например, короли бургундов: Gibeica, Godomarus, Gislaharius, Gundavechus, Gundobadus etc.; меропинги: Childericus, Chlodovecus, Chlodomerus etc. (В а с и А. Deutsche Namenkunde, S. 60—61).

¹² Jan de Vries. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1957—1961, S. 221.

сообщая, что после удачных походов люди прозвали Олега «вещим», объясняет это тем, что они «биху. . . погани и цевенголоси».¹² Иначе говоря, они, будучи язычниками, видели причину его успехов в том, что он действовал с помощью сверхъестественных сил языческого пантеона. Ведь слова «полхв», «кудесник», «вещий» были синонимами, «лишь с незначительными, неуплощными теперь оттенками значения».¹³ К этому ряду синонимов следует прибавить и слово «святой», так как оно обозначает человека, находящегося в более близком общении с божественными силами, чем обычные люди. В дальнейшем развитии содержания этих синонимов «святой» стало применяться только к христианским подвижникам, получив новый терминологический смысл. Таким образом, возникновение и развитие эпитета «вещий» нам представляется следующим образом: при появлении на Руси князя изярга с именем Helgi славянское население стало интересоваться значением его имени.¹⁴ Узнав его, начали называть этого князя двойным именем *Вещий-Хельгы, в котором первый компонент является переводом (калькой) на местный язык второго. Такой тавтологический способ наименования не уникален; он существовал и в XIX в. в двуязычных западных губерниях России, чему являются свидетельством отмеченные автором в 30-е годы XX в. фамилии, как Черношварц и Красный-Адмон, в которых то же самое соотношение составных частей. Со временем имя Helgi в славянской среде претерпело фонетическую адаптацию и в новой форме «Олег» стало уже восприниматься как русское имя, а к моменту составления «Повести временных лет» «вещий» ощущалось уже как эпитет, присовокупленный к имени князя за его удачные политические и военные действия.

С проблемой перевода имени княгини Ольга столкнулась еще при наречении именем Святослав своего сына. Это чисто семейное событие в данном случае было превращено в акт государственной важности. Как полагают А. М. Членов, славянское имя Святослав для наследника княжеского стола в Киеве должно было символизировать, что князья, происшедшие до того изяргские имена, отныне считают себя уже полностью славянской династией. Но при этом для сохранения магии имени и родовой традиции было выбрано славянское имя, первая часть которого калькировала имя матери, а также и киевского князя старшего поколения Олега (свят = helg).¹⁵

¹² Повесть временных лет, т. I. М.—Л., 1950, с. 25.

¹³ Повесть временных лет, т. II. Комментарий Д. С. Лихачева, с. 270.

¹⁴ Значениями имен собственных в те времена, когда имени приписывали магическую силу, чалопечество интересовалось в большей мере, чем сейчас, хотя и в наши дни, как и в средне века, на всех языках издаются толкования личных имен.

¹⁵ Ч л е н о в А. М. К вопросу об имени Святослава.— В кн.: Личное имя в прошлом, настоящем и будущем. М., 1970, с. 324—329.— Этот автор при толковании имени Святослав идет еще дальше, считая, что и вторая часть имени по смыслу соответствует первому слогу имени летописного ос-

Четвертым принципом при принятии канонического имени можно считать то, что этот акт отнюдь не предполагал полного отказа от неканонического имени. Своим традиционным княжеским именем продолжали пользоваться его носители как основным в быту и в сфере управления подвластными им территориями, каноническим же — в сношениях с церковью и властями христианизированных государств. Так, например, Ольга, отправляя посольство к германскому императору Оттону I, называла себя Еленой, и под этим именем упоминается в одной западной хронике.¹⁷

Великий князь Владимир Святославович при крещении выбрал себе имя Василий. В данном случае мы видим наличие аллитерации, семантической общности (греческое βασιλεύς обозначало «властитель», «повелитель», вообще «монарх») и социальной значимости, ведь имя Василий носил правивший тогда византийский император.

Сопоставляя княжеское и каноническое имя Ярослава Мудрого, мы также находим у имени Георгий социальную значимость: святой Георгий Победоносец был отпрыском каппадокийского княжеского рода и стал считаться патроном рыцарства. Налицо и аллитерации: буква γ, с которой начиналось имя Георгий, в византийском греческом языке обозначала свирепый звук [йот], поэтому воспринятое в устной форме это имя и на Руси стало звучать Юрий, следовательно, оно по согласным звукам [йот] и [р] совпадало с первым слогом имени Ярослав;¹⁸ нет только у обоих имен сходства по значению. Ярослав Мудрый вошел в некоторые западноевропейские хроники под своим христианским именем в русском варианте — Юрии. Последнее хронистами иногда преобразовывалось в более естественное для них Julius вместо Jurius.¹⁹

Жена Ярослава Мудрого Ингигерда, дочь шведского короля католического вероисповедания, при переходе в православие получила созвучное имя Ирина. Дочь Ярослава Анна, ставшая королевой Франции, известна нам под католическим именем Agnes,²⁰ которое при французском произношении буквосочетания gn как [нь] мало чем отличалось от Анна (Аньес).

В русской и зарубежной историографии до наших дней существует мнение, что и другая дочь Ярослава Мудрого Анастасия,

понятеля династии Рюрика. Полагаем, что для подтверждения последнего предположения требуется сначала доказать, что легенда о Рюрике, как основателе династии, существовала уже во времена Игоря и Ольги, но древнескандинавский корень *hrogr*, входящий в имя *Hrogrkr* (Рюрик), действительно соответствует русскому «слав».

¹⁷ *Continuator Reginonis*. Ed. G. H. Pertz. *Monumenta Germaniae Historica, Scriptores*, T. I. Hannover, 1826, p. 621.

¹⁸ Ф л с м о р М. *Этимологический словарь русского языка*, т. I. М., 1964, с. 402.

¹⁹ А л е к с е в М. П. *Англосаксонская параллель к поучению Владимира Мономаха*. — *ТОДРЛ*, т. II, 1935, с. 47.

²⁰ *Ediger Th. Rußlands älteste Beziehungen zu Deutschland, Frankreich und der römischen Kurie*. Halle, 1911, S. 73.

выданная замуж за короля Венгрии Андрея I, стала там называться Агмунда.²¹ Но это является недоразумением, как убедительно доказал венгерский исследователь М. Вертнер. Агмунд — топоним, древнее немецкое название еще существующего населенного пункта Адмонт в Штирии с укрепленным монастырем, бывшим неоднократно местом пребывания Анастасии.²²

Внучка Ярослава Мудрого Евпраксия Всеволодовна в начале 80-х годов XI в. была выдана замуж в Германию за маркграфа Генриха Штаденского, а после его смерти стала женой императора Генриха IV. В западных хрониках она в основном упоминается под двумя именами — Praxedis и Adelheid. Первое подобрано по принципу созвучия, второе, ее официальное имя как императрицы, — по принципу совпадения семантики: первая и главная часть ее греческого и немецкого имени имеет одинаковое значение «благороди-», следовательно, мы имеем здесь дело с переводом ее первоначального имени на немецкий язык.²³

Принцип аллитерации и сохранения семантики мы обнаруживаем также в именах одного из первых святых русской церкви, крестившегося варяга, принявшего вместе со своим сыном мученическую смерть в 983 г. в Киеве. А. А. Шахматов установил, что его языческое имя было Тур[и];²⁴ в святцах же он носит имя Федор (почитался 12 июля ст. ст.). В данном случае и варяжское имя Тур, и каноническое греческое Федор начинается со спирантных согласных сходного произношения, передаваемого латиницей буквами th (Thor, Theodor). Сохранение же семантики в каноническом имени этого святого состоит в том, что первый слог имени Федор по-гречески значит «Бог», а Тур — имя одного из главных богов скандинавского Олимпа.

²¹ Например: М а д ь г и н Т. Зерцало российских государей. СПб., 1794, с. 103; L e i b В. Rome, Kiev et Byzance à la fin du XI-e siècle. Paris, 1924, p. 153; П а т у т о В. Т. Впечатная политика Древней Руси. М., 1968, с. 52, 434.

²² W o r t n e r М. Az Agrádok esaladi története. Nagy-Becskereken, 1892, p. 122.— Вертнер установил, что старые венгерские хроники не знали имени жены Андрея I. Ошибочное приписывание ей имени Агмунда ведет начало от автора XV в. Автоно Бопфина (1427—1505), который в одном предложении хроники Турочп, где говорится, что король Саломон, «оставши в монастыре Агмунд мать и жену, пернулся в Мотон (. . . in clauistro Agmund matre et uxore derelictis, in Moson est reversus. . .), ошибочно принял название монастыря за имя королевы-матери. Правильным же именем — Анастасия — венгерская королева впервые названа польским хронистом Длугошом в третьей книге «Истории Польши». Ошибка Бопфина порешла во многие генеалогические справочники, в которых просуществовала столетия.

²³ Р о в а п о н С. П. Евпраксия—Адельгейда Всеволодовна (1071—1109).— Изв. АН СССР, VII серия, отд. гум. наук, 1929, № 8, с. 623—624.

²⁴ Ш а х м а т о в А. А. Как назывался первый русский святой мученик? — Изв. Академии наук, 1907, с. 261—264; см. также М а р к о в А. Как звали первых святых мучеников на Руси? — Сб. Харьковского историко-филолог. об-ва, 1908, т. XVIII, с. 1—4.

При крещении Бориса и Глеба, младших сыновей Владимира Святославовича, мы можем обнаружить лишь соблюдение принципа социальной значимости при выборе им имен: они получили соответственно имена Давид и Роман, первое — по македонскому князю Давиду, а второе — по царю Западной Болгарии Роману (969—972).²⁵

С распространением и закреплением христианской идеологии в высших слоях Киевской Руси упростился и выбор канонических имен: они стали даваться уже не чисто религиозным соображениям, без стремления к созвучию и общей семантики в именах.²⁶

Из периода феодальной раздробленности мы располагаем в основном материалами из области международных отношений, по которым можно наблюдать адантирование иноязычных имен. Осуществлялось оно с применением тех же принципов, которые мы находим в Киевской Руси и в России XVII—XIX вв. Например, в договорной грамоте Новгорода с Любеком и Готским берегом (1373 г.) западные послы Johann Luboborg и Gerd von Wedderden названы Иваном и Григорием, первый по принципу идентификации имени, а для второго было подобрано созвучное русское имя.²⁷ В новгородско-ливонском договоре 1421 г. орденскую сторону представляли магистр Зигфрид (Siffrid, Siefert, Syfride в написании того времени), комтур Goswin и форт Herman, названные соответственно в русском тексте Селивестром, Гостелой и Еремеем.²⁸ Орденский переводчик Herteke был известен в среде русских как Артемию.²⁹ В Новгородской летописи упоминается приезжавший на Русь германский феодал Gerhardt von Kleve как «князь Григорий из заморья Клевьскни».³⁰ В этих примерах имена русифицированы по принципу созвучия, но применялся также и перевод (калька), если дело касалось прозвищ или фамилий. Так, среди упоминаемых в русских грамотах бюргеров не-

²⁵ П р и с е л к о в М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, с. 37—38.

²⁶ Обычай имен, кроме даваемого при крещении имени, еще княжеской наблюдается и в XV—XVI вв. Например, Иван III наречен был при крещении Тимофеем, Василий III — Галриплом, а погребенный в Угличе царевич Дмитрий крещен был по имени Уар. Только здесь оба имени одинаково принадлежат к каноническим: одно дается по святцам, а второе является традиционным в данной ветви династии (П и к о в В. А. Имя и общество, с. 22). Очень много людей из всех сословий населения России еще в XVII в. имели по два имени: одно, даваемое при крещении, каноническое, а второе — народное, которым пользовались в повседневной жизни. Часто их трудно отличить от прозвищ. Очень большое число таких имен собрано в кн.: Т у п и к о в И. М. Словарь древнерусских собственных имен. СПб., 1903; В о с е л о в с к и й С. Б. Ономастикон. М., 1974.

²⁷ Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Навьерским. СПб., 1868 (далее — РЛА), № 96 (русский и немецкий тексты).

²⁸ Грамота Великого Новгорода и Пскова (далее — ГВНП). М.—Л., 1949, № 60 (русский текст); РЛА, № 213 (немецкий текст).

²⁹ ГВНП, № 57 (1418—1421 гг.).

³⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 423.

мецких и ливонских городов мы находим Ивана Белого (1301 г.), Ивана Мясо (1417 г.) и Ивана Кортявого (1463 г.);³¹ шведский посол Christer Lowe (1488 г.) в русском документе отмечен как «Костянтин лютый аверь». Здесь имя посла замечено созвучным по согласным первого слога [к], [с], [т], а фамилия переведена словосочетанием, являвшимся тогда синонимом к слову «лев».³²

Чтобы довести примеры до XIX в., приведем несколько наиболее характерных из большого числа собранных Э. А. Амбургером. Так, известный физик Борис Семенович Якоби (1801—1874) был при рождении крещен по лютеранскому обряду Moritz Hegmann. Имя Морц, во французском варианте Maurice (с ударением на последнем слоге), по созвучию было традиционно заменено на Борис (начальные звуки [м] и [б] у обоих имен губные). Но Борис, как было показано выше, могло быть эквивалентным и для других иноязычных имен. Генерал-майор Антон Антонович Дельлинг (1772—1828), отец поэта и друга Пушкина, в детстве был наречен именем Оттон, на службе и в своей семье по созвучию назывался Антон, ([а] и [о] в безударном слоге совпадают), а когда в зрелом возрасте перешел в православие, то был во второй раз крещен уже как Антон. Член Академии наук историк Ариет Аристович Куник до переезда из Германии в Россию носил имя Эриет. Художник-баталист Богдан Павлович Виллевалде (1818—1903) имел крестное имя Готфрид, а архитектор Богуслав Богуславович Гейденрейх (1818—1894) — Готлоб.³³ В двух последних случаях мы имеем дело с сохранением семантики имени путем перевода.³⁴

Таким образом, лица неправославного вероисповедания, состоявшие на русской государственной службе, до конца XIX в. были очень часто обладателями двух имен: иноязычного, даваемого при крещении, и служебного, русифицированного.³⁵ То же самое иногда имело место и у иноверцев свободных профессий: промышленников, коммерсантов, врачей и др., только там второе, адаптированное имя нужно назвать уже не служебным, а просто общественно признаваемым.

Конец такой традиционной адаптации и замене западных иноязычных имен в практике государственных учреждений России был положен лишь в самом конце XIX в. На относящихся сюда узаконений приведем в качестве примера закон о переводе ве-

³¹ ГВНП, № 34, 56, 336.

³² К л о й п е н б е р г Н. Э. «Лютый зверь» на печатях Великого Новгорода XV в.— Вспомогат. истор. дисциплины, II. Л., 1960, с. 186—187.

³³ А м б у р г е р Е. Die Behandlung. . . , S. 307, 311, 328.

³⁴ Можно привести пример и с переводом фамилии: всем известен крупный филолог-славист первой половины прошлого века А. Х. Востоков (1781—1864), но мало кто знает, что *Востоков* только псевдоним, а его настоящая фамилия была *Остенент*.

³⁵ Такое явление наблюдалось еще в древнем Риме, когда германцы, поступавшие на римскую военную службу или селившиеся среди романизированного населения, принимали латинские имена (Ва с л А. Deutsche Namenkunde, S. 7).

дения метрических книг при церквях евангелическо-лютеранского вероисповедания с 1 января 1892 г. с национальных языков на русский.³⁶ Во исполнение этого евангелическо-лютеранской генеральной консисторией при содействии Академии наук была разработана детальная система русской транскрипции немецких, шведских, финских, эстонских и латышских имен. После ее утверждения была издана инструкция ведения метрических книг с приложением списков имен этих пяти национальностей в написании латиницей и кириллицей.³⁷ Так была отменена существовавшая до того традиционная, а иногда и произвольная передача на русский язык западноевропейских имен в официальной документации. Но окончательно она была искоренена лишь в связи с широкой паспортизацией сельского населения в середине XX в.³⁸

В настоящее время советскими законами совершеннолетним гражданам разрешается мотивированная смена имен и фамилий. Лица, желающие сменить свои либо малоупотребительные церковные, либо редкие западноевропейские имена на обычные, нейтрально звучащие, входящие в состав современного русского ономастикопа, как правило, с соответствующими заявлениями обращаются в загсы. Т. А. Короткова проанализировала материалы свердловского загса по этому вопросу за 1928—1966 гг. Она установила, что принципы выбора нового имени очень часто совпадают с некоторыми из тех, действие которых мы наблюдали в течение многих веков русской истории. Так и сегодня наблюдается стремление сохранить в новом имени хотя бы принцип прежнего, а иногда и желание, чтобы гнококристическо формы обоих имен совпадали (например, Федот — Федор — Федя, Альфонс — Алексей — Алик). Отмечены также поиски «параллельности», как это называет Т. А. Короткова, т. е. смена одного национального варианта имени на другой (например, Георгий на Юрий, Жорж на Георгий).³⁹

Из приведенных русских антропонимических фактов видно, что такие основные принципы, наблюдаемые при смене и адаптации иноземных личных имен, как созвучно, сохранение семантики и идентификации национальных вариантов, остались неизменными в течение тысячи лет. Поэтому нельзя считать, как это делает М. Вольтер, что возникновение этой системы относится к рубежу XVI—XVII вв. и что она вызвана только необходимостью рационализации делопроизводства в московских приказах, имен-

³⁶ РСЗ III, т. XI, ч. 1, с. 357, № 7798.

³⁷ Ministeriell bestätigte Vorschriften des Evang.-Lutherischen Generalkonsistoriums betreffend die Führung der Kirchenbücher in russischer Sprache. SPb., 1899.

³⁸ Автор лично наблюдал, как в начале 40-х годов в сельсоветах и в районных учреждениях паспортизируемых местностей имя Фридрих по старой традиции писалось Фрол, Вильгельм — Василии, Генрих — Андрей и т. п.

³⁹ К о р о т к о в а Т. А. Перемена личных имен. — В кн.: Ономастика Поволжья-2. Горький, 1971, с. 43—47.

ших дело с принятием на государственную службу иноземцев и иноверцев. Правда, не подлежит сомнению, что с развитием централизованного управления внутренними делами государств все правительства старались все более и более регламентировать, унифицировать и совершенствовать фиксацию в документах антропонимов и топонимов во всевозможных ситуациях. Эта работа отнюдь еще не закончена: разные государства стоят еще в этом отношении на неодинаковых уровнях и исходят при этом из разных принципов. Так, если Россия с конца XIX в. перешла от адаптации иноязычных имен к их условной транскрипции, а в СССР проводится большая работа по усовершенствованию транскрипции с целью достижения более точной передачи звучания нерусских имен и фамилий (например, Уилсон вместо старого Вильсон, Ханноман вместо Гейнеман и т. п.),⁴⁰ то во Франции 3 августа 1950 г. был принят закон, предоставляющий иностранцам, принимаемым во французское гражданство, право офранцузивать свои имена и фамилии на основе разобранных в данной статье принципов, которые действовали в сфере обычного права дореволюционной России.⁴¹ Примеры их применения как в Канаде, так и в других странах можно найти в цитированной уже монографии В. А. Никонова.⁴²

Все это позволяет сделать вывод, что сохранение созвучия и семантики, а также идентификации национальных вариантов при смене и адаптации имен, когда их носители переходят из одной общности в другую, не изобретаются в государственных органах управления, а возникают и существуют объективно вне их и только используются ими. Поэтому за этими принципами должен быть признан характер антропонимических универсалий, а причины и способ их применения в каждом отдельном случае могут быть вскрыты лишь с учетом достижений лингвистики, истории, психологии и учения о государстве и праве, на стыке которых и находится вспомогательная историческая дисциплина ономастика.

И. Г. ПОРФИРИДОВ

ТАЙНОПИСЬ В ЭПИГРАФИКЕ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕРУССКОГО ИСКУССТВА

Случаи употребления тайнописи, редчайшие в древнерусской эпиграфике, обнаружены в надписях на нескольких каменных крестах. В числе дошедших до нас исторических и художествен-

⁴⁰ Старостин Б. А. Транскрипция собственных имен. М., 1965; Гляревский Р. С. и Старостин Б. А. Иностранные имена и названия в русском тексте. М., 1969.

⁴¹ Code civil. Ed. «Dalloz». Paris, 1958, Loi de 3-^e aug. 1950, art. 57, p. 58.

⁴² Никонов В. А. Имя и общество, с. 24—25.